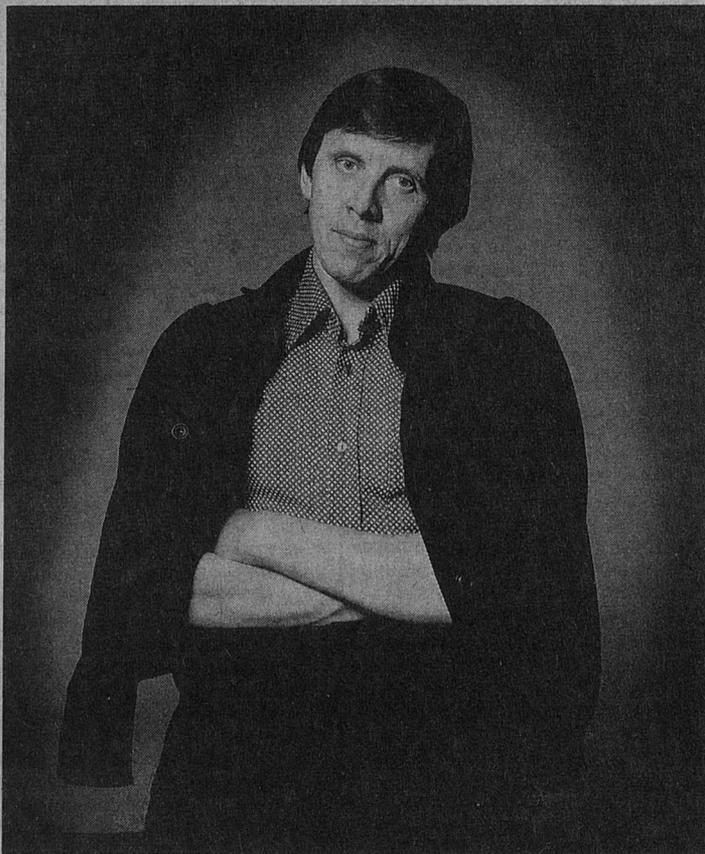


Сов. культура. - 1991. - 22 июль. - С. 9

Играет — как поет



Валерий Золотухин неплохо пишет и замечательно поет. Он вполне мог бы стать хорошим журналистом, а (кто знает?), может быть, и писателем. Но вот певцом уж точно мог бы быть отменным, тем более, что серьезно учился пению. Одно время он много пел вне всякой драматургической надобности. Помните: «Барыня-речка, сударыня-речка...» Или еще раньше шуточное «А я говорю... Она говорит...» Нет, конечно, Золотухин для нас в первую и в главную очередь — Актер. А потому, уж если и зашел разговор о его голосе, об этом необыкновенном вибрирующем и звенящем тембре, об этой почти нечеловеческой энергии и мощи, в которых и бескрайняя российская удель и заоблачные оперные выси, — если уж зашел об этом разговор, то примеры просятся кинематографические (и «Бумбараш», конечно, как же без него!), да театральные, где он тоже много и хорошо поет.

Впрочем, он сыграл многое множество ролей, где вовсе не требовалась демонстрация вокальных данных, и актер их не демонстрировал. Однако все свои роли Золотухин поет. Точнее, играет — как поет. Непостижимо и настойчиво живет в этом художавом человеке внутренняя музыка. Явственно осеняет эту мальчишески стриженную голову, это, казалось бы, лишенное изящных артистических черт лицо, волшебный свет Артистизма...

...Пушкинский Моцарт. Дьявольски божественный говор режиссера Михаила Швейцера и актера Валерия Золотухина в телефильме «Маленькие трагедии». Свобода художников

от портретного канона обернулась в картине восхитительной свободой пушкинского героя.

Личность Мастера — материя многосложная. Поди определи, чего в ней больше — небесной легкости или земной силы воли. Этому, второму качеству Золотухина поражаешься не меньше, чем первому. Двадцать один год отделяет рождение спектакля «Живой» Б. Можяева от возможности показать его зрителю. И все эти годы актер носил в себе героя, Федора Кузькина. Ничего не растеряв в дороге, он дождался своего часа и сыграл любимую роль блистательно.

И еще. Эта черта, смею утверждать, свойственна только большим актерам. Верность режиссеру как главному лицу театра, как высшему создателю спектакля. Верность и вера. Это они вели его в горьковском Васье Пепле, в мольеровском Альцесте — ролях, которые он сыграл в спектаклях Анатолия Эфроса.

Валерий Золотухин — питомец Театра на Таганке. Он плоть от плоти театра Юрия Любимова, каковой может быть только талантливая и самобытная плоть от плоти столь же самобытной и талантливой. И потому в нем темперамент театра умножился собственным темпераментом музыканта (помните, романтик Э. Т. А. Гофман делил человечество на «музыкантов» и «немузыкантов»?), внутренняя свобода таганковцев — на собственную, «моцартовскую» актерскую тему.

Недаром он так серьезно учился петь.

Н. КАМИНСКАЯ.
Фото Валерия Плотникова.